

Абрамов Владимир Кузьмич

д-р ист. наук, профессор, член исполкома
Межрегиональная общественная организация
мордовского (мокшанского и эрзянского) народа
г. Саранск, Республика Мордовия

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ МОРДОВСКИХ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: в статье методом проблемно-хронологического исследования выявляются основные трудности формирования системы мордовского национального школьного образования в указанный период. Описан вклад М.Е. Евсевьева в развитие процесса просвещения в Мордовии.

Ключевые слова: земские школы, подготовка учителей, Евсевьев, разработка литературных норм, наречия, мордовские языки.

До середины XIX века почти единственным направлением распространения грамотности в среде мордовского населения оставались церковно-приходские школы, имевшиеся лишь в очень крупных селах и обучение в которых велось на русском языке. Во второй половине века положение стало меняться. Реформы 60–70-х годов стимулировали экономическое и духовное развитие страны. Рост производства, товарно-денежных отношений затронул и Мордовский край. Это вело к увеличению средств, которые могли бы отпускаться на культурные сферы, тем более что экономическое развитие общества требовало резкого увеличения подготовки специалистов всех профилей и просто грамотных людей. С другой стороны, после реформ, в частности земской, стало возможным использовать известную долю налогов на местные нужды. Это добавило к церковно-приходским значительное число земских школ. С 1865 г. по 1910 г. общее количество начальных школ на территории Мордовии выросло в 6 раз, число учащихся в них – в 12, а учащихся девочек – в 29 раз [4, с. 291–292]. Школы появились практически во всех крупных мордовских селах.

С определенным решением количественной проблемы встал вопрос качества обучения. Следует заметить, что до революции основная масса мордовских школьников, в отличие от школьников других поволжских народов, обучалась только по-русски. Внешне мордвины мало отличаются от русских, и в большинстве своем уже тогда владели одной-двумя сотнями русских слов, что вполне позволяло примитивное бытовое общение с русскоязычным населением. Чиновникам от просвещения этого показалось достаточным, чтобы ввести всеобщее обучение на русском языке в мордовских (по составу учащихся) школах.

Такое «обучение», кстати, введенное вновь в шестидесятые годы XX века уже советскими горе-чиновниками, вызвало поистине катастрофические последствия для умственного развития детей. Мыслимое его организаторами как средство быстрее обрусения на практике, оно давало противоположный результат. При нем нерусские учащиеся не могли усвоить первичных, базовых знаний, развить свое мышление, что являлось серьезнейшим препятствием, а часто делало их просто неспособными к дальнейшему полноценному обучению. При неразвитости мышления и речевого аппарата эти ученики были не в состоянии овладеть удовлетворительно и русским языком, хотя пытались разговаривать в училище только на нем. Выдающийся мордовский ученый М.Е. Евсевьев, знавший впоследствии несколько языков, говорил: «Для мордовских мальчиков поступление в школу, где преподавание идет на русском языке, составляет истинное мучение. Сам я там учился в течение 4-х лет и окончил курс с самыми скудными знаниями русского языка» [3, с. 20].

Когда в Министерстве народного просвещения уяснили это обстоятельство, в 1870 г. были изданы «Правила о мерах к образованию инородцев», по которым обучение мордовских школьников должно было вестись на русском языке, но учителями, знающими родной язык учащихся. Мордовский язык рекомендовалось использовать только по необходимости для объяснения в начальный период обучения [4, с. 295]. Несмотря на столь малую уступку национальному просвещению, «Правила» давали возможность рассчитывать на

материальную поддержку государства при подготовке, пусть ограниченного числа, мордовских учителей.

Главным учреждением по подготовке национальных кадров в Поволжье стала, как известно, основанная Н.И. Ильминским в 1872 г. Казанская учительская инородческая семинария. Система обучения Ильминского преследовала цель скорейшего обрусения народов Поволжья, Сибири и т. д. с помощью учителей – представителей этих же народов. Но исходя из практики, для лучшего усвоения русского языка, он, как опытный педагог, начинал учить школьников на их родных языках, что способствовало лучшему общему развитию обучаемых и способствовало, таким образом, формированию национальной интеллигенции местных народов. В частности, к началу XX века (за 32 выпуска) она подготовила 75 мордовских учителей [5, с. 646], что было существенно меньше числа, выпущенных семинарией представителей других народов Поволжья. Разумеется, их не хватало для обеспечения имевшихся мордовских школ, поэтому в большинстве из них обучение продолжалось на русском языке.

Вот что писал о таком «обучении» М. Евсевьеву школьный инспектор О. Романов (чуваш по национальности), проверявший мордовские школы Ардатовского уезда Симбирской губернии: «Я был во всех мордовских училищах (в одних по 1 разу, в других по 2 раза) и получил впечатление самое безотрадное. Больше всего страдает русский язык, не только ученики младших отделений, но и ученики старших отделений совершенно не умеют ни говорить, ни тем более писать самую простую русскую фразу. В этом отношении мордовские школы Ардатовского уезда стоят несравненно ниже чувашских училищ Буинского уезда, где я раньше инспектировал и где введено преподавание по системе Н.И. Ильминского... Резюмируя изложенное выше, достаточно сказать, что дети мордвы, поступающие в школы, совершенно не знают русского языка (в этом отношении они ничем не отличаются от детей чуваш, поступающих в школы)... Между тем преподавание в этих школах... ничем не отличается от преподавания в русских школах: те же учебники, те же приемы и т. д. Словом, откровен-

но говоря, жалко смотреть на ваши мордовские школы, сравнительно с нашими чувашскими (где обучение в начальных классах велось на родном языке. – В. А.). Мне кажется, что было бы лучше, если бы совсем не учить мордовских детей в таких школах, чем уродовать их, заставляя их, как говорится, зазубривать каждую маленькую вещь из учебного материала, который потом, по выходе из школы, не останется в головах детей (а до души никогда он и не доходит) и на неделю...» [2, с. 42–43]. К счастью, тогда обучалась лишь незначительная доля мордовских детей, чего нельзя сказать о шестидесятых-семидесятых годах XX столетия.

М.Е. Евсевьев, работавший к этому времени преподавателем Казанской семинарии, насколько это было в его силах, пытался увеличить выпуск учителей, хорошо знающих мордовский язык. Однако его усилия не давали результатов. Об одной из таких попыток вспоминает его ученик, выпускник семинарии Е.В. Скобелев: «К сентябрю 1906 г. М.Е. был подготовлен совершенно конкретный проект открытия в мордовском селе Каменка Белебеевского уезда Уфимской губернии Мордовской учительской школы (наподобие крещено-татарской, существовавшей в г. Казани) для подготовки мордовских учителей школ грамоты... Для реализации указанного проекта в село Каменка по рекомендации Макара Евсевьевича были направлены в августе 1906 г. три молодых учителя мордовской национальности, из окончивших весной этого года воспитанников Казанской учительской семинарии (в числе их и автор воспоминаний). В сентябре 1906 г. проездом от попечителя Оренбургского учебного округа из г. Уфы (место пребывания попечителя) М.Е. Евсевьев заехал к нам в село Каменка, завез типовой план здания будущей учительской школы, сообщение об открытии кредитов на строительство здания, примерные учебные планы, программы и т. д. Целую неделю помогал нам Макар Евсевьевич разбираться в учебных планах, программах будущей мордовской учительской школы, учил нас и распределял между нами, по нашим способностям, предметы преподавания и соответствующие должности... Мы мечтали о том, сколько выпустим

своих мордовских учителей, как выучим и воспитаем, чтобы они тоже восприняли “идеи просвещения” мордовской народности. Этой мечтой мы тогда жили вместе с Макаром Евсевьевичем...

Весной 1907 года мы начали строить большое деревянное здание в с. Каменка для Мордовской учительской школы. Строительство школы шло быстрыми темпами, так как сам попечитель учебного округа покровительствовал ему. К началу учебных занятий здание было готово... Но к этому же времени и все наши мечты развеялись в прах. Попечитель Оренбургского учебного округа Н.А. Бобровников (учитель и друг М.Е. Евсевьева. – *В.А.*), “покровитель” наших просветительных идей, по сложившимся тогда обстоятельствам, вынужден был уйти в отставку, а вместе с этим и наше дело было запрещено. В выстроенном нами здании разрешено было открыть только 2-классное училище Министерства народного просвещения. И когда в вывеску училища было помещено слово “Мордовское”, то это послужило поводом взять от нас руководство этим училищем, и удержались мы в училище лишь на рядовых учительских должностях – с кличкой “вольнодумцев”» [2, с. 58–60, 123–124].

Свержение самодержавия дало возможность улучшить дело просвещения мордовского народа. Образовавшееся в 1917 г. «Мордовское культурно-просветительное общество», под председательством М.Е. Евсевьева, разработало соответствующую программу. В мае того же года оно выпустило «Воззвание к мордовскому народу» с призывом усилить просветительную деятельность в мордовской среде [7, л. 1–2). Условия, сложившиеся после Октябрьской революции, дали возможность реализовать программу подготовки и переподготовки мордовских учителей на курсах, открывшихся в Москве и ряде населенных пунктов Поволжья. Их организовывал М.Е. Евсевьев, работавший тогда преподавателем Казанской восточной академии, Восточного педагогического института, Татарского коммунистического университета и одновременно руководивший Мордовским научным комитетом [6, л. 20–21].

Наиболее эффективно курсы заработали в с. Малый Толкай Бугурусланского уезда Самарской губернии. С 1920 по 1940 гг. через них прошло более тысячи учителей, несших мордовскому народу свет знаний и культуры. А работал в них весьма небольшой преподавательский коллектив: Е.В. Скобелев (руководитель), Е.Б. Буртаев, В.Н. Калюжнов, М.М. Кузьмин, С.Ф. Макшов [1, с. 80]. С образованием Мордовской автономной области, позднее – республики и открытием необходимых педагогических учебных заведений проблема подготовки мордовских учителей была в основном решена.

Еще одной важной проблемой стала разработка литературных норм наречий мордовского языка. Его преподавание начинается с 1834 г. в Тамбовской духовной семинарии профессором П.П. Орнатовым. В 1838 г. в Москве он же издает первую мордовскую грамматику. В 1861 г. в Петербурге публикуется более детальная работа по мокшанской грамматике А. Альквиста, а в 1865 – по эрзянской Ф.И. Видемана. В 1870-х гг. преподаватель Пензенской учительской семинарии Н.П. Барсов вместе со своим воспитанником Федором Кечиним составил «Азбуку для мордовских школ Пензенской губернии» и другие пособия. В 1880-е гг. выпускник Казанской учительской семинарии А.Ф. Юртов подготовил два выпуска «Образцов мордовской народной словесности», в 1882–1883 годах издал мордовский букварь, в 1884 году перевел на мордовское-эрзя наречие ряд книг.

Но наибольший вклад в развитие мордовского языкознания, как и весь процесс просвещения в этот период внес выпускник Казанской учительской семинарии М.Е. Евсевьев (Кобаев) – первый крупный мордовский ученый, мордовский не только по национальности, но и тематике своих исследований. После отличного окончания семинарии летом 1883 года он как «первый ученик» был, оставлен в ней на преподавательской работе, сначала учителем марийской, а затем мордовской школы. К этому времени он свободно владел, кроме обоих мордовских наречий, русским, татарским, и чувашским языками. Неплохо знал марийский, греческий и латынь.

Первой крупной работой Макара Евсевьевича стало составление эрзянского и мокшанского букварей. Он занимался этим с 1885 г. С 1888 г. М.Е. Евсевьев начал писать учебники русского языка для мордовских школ. Буквари, изданные в Казани немалым по тому времени тиражом в 1200 экземпляров каждый, получили высокую оценку специалистов и с 1893 года были введены в употребление в мордовских училищах Пензенской и Тамбовской губерний. Со следующего года в училище стали поступать и учебники М.Е. Евсевьева. Создание первоклассных по тому времени учебников, и особенно букварей, явилось огромной заслугой ученого и стало важным этапом в распространении грамотности среди мордвы. В сущности, им была впервые создана конструктивная система обучения грамоте и чтению на родном языке в мордовской школе.

Все мордовские просветители и языковеды второй половины XIX – начала XX в. (Н.П. Барсов, А.Ф. Юртов, М.Е. Евсевьев и др.), говорили только о едином мордовском языке и двух его наречиях. Когда образовалась Мордовская автономия и, естественно, появилась проблема языка официальных документов, то все крупные ученые, в частности эрзяне А.П. Рябов и И.С. Сибиряк (Поздьяев), мокшанин Ф.И. Петербургский, и др. поддерживали тенденцию к сближению эрзянского и мокшанского наречий, общих, по их мнению, на 80-85 процентов, и созданию в перспективе единого литературного языка путем объединения лексики эрзян и мокшан (“перемещение слов”). Видимо, это наиболее приемлемый путь, позволяющий выработать единую языковую форму для ведения документов и, в то же время, сохранить для будущих поколений богатство мордовского фольклора, и уже созданных литературных трудов. В Поволжье и Приуралье этот этап прошли буквально все народы: марийцы (луговые и нагорные), татары (казанские, мишари и др.), чуваша (вирьял и анатри) и т. д. и почти все они стали формировать единые литературные языки. Сначала такая тенденция возобладала и в Мордовии. Однако во второй половине 1930-х гг. политически было выработана программа, предусматривавшая оформление

двух языков, что в дальнейшем могло привести и к распаду мордвы на два народа. Всем сторонникам программы единого языка был приклеен ярлык «буржуазных националистов», что означало, как правило, смерть или длительное тюремное заключение. В таких условиях 4-языковая конференция, проведенная в Саранске в марте 1938 г., утвердила разделение мокшанского и эрзянского литературных языков на базе славянского алфавита и приняла решение о разработке синтаксиса максимально приближенного к русскому языку.

По Конституции Мордовии эти искусственные языки были объявлены государственными, на них были переведены национальные школа, пресса, радио, в значительной мере литература, позднее подготовлены сотни и даже тысячи филологов. Как показала практика, они не стали средством консолидации мордовского народа и не смогли расширить сферу своего обращения. Наоборот, ссылаясь на сложность и ненужность таких языков оправдывались: саботаж значительной части чиновничества перевода на них государственного делопроизводства в 1930-е гг., массовое закрытие национальных газет в 1940-е гг. и национальных школ в 1960-е гг. [1, с. 156]. Возрождение национального школьного образования (на мордовском-эрзя и мокша языках) стало вновь возможным лишь с 1990-х гг.

Список литературы

1. Абрамов В.К. Мордовское национальное движение / В.К. Абрамов. – Саранск, 2007.
2. Беззубов В.И. Документы о жизни и научной деятельности М.Е. Евсевьева / В.И. Беззубов. – Саранск, 1960.
3. Беззубов В.И. Научно-педагогическая деятельность М.Е. Евсевьева / В.И. Беззубов. – Саранск, 1960.
4. История Мордовской АССР: в 2 т. Т. 1. – Саранск, 1979.
5. Чичерин С.В. Положение просвещения у приволжских инородцев / С.В. Чичерин // Известия Императорского русского географического общества. Т. 42. – СПб., 1906.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 655. Оп. 5. Д. 8.

7. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 14.